

Салон — это всегда Истинные Ценности

Выставка Николая Андреевича: «...ящики, археология, свалки...» в галерее «Московская палитра»

Андрей Ковалев

К

ак правило, мастера так называемого «настоящего искусства» — очень хорошие люди. И мне, поверьте, довольно тяжело говорить, что они занимаются не совсем искусством и, в общем, несколько фантомы. И еще — придется употребить совсем уж оскорбительный термин — салон. Разница между искусством и салоном только в том, что последний предназначен для ублажения сетчатки и мозжечка знатоков и украшения стен обиталищ обывателей. У искусства несколько иные цели и задачи. Искусство — это достижение предельных состояний, поиск границ возможного. Так было даже в те времена, когда радикальный жест достигался кропотливым наложением подмалевка и валеров. Художник, революционный шизофреник — чаще всего существо мерзкое, гадкое и аморальное. А салонный мастер — человек спокойный, аутический и беспроблемный, очень даже достойный и высокоморальный. При сем любая революционная форма может быть салонной — даже самая заливистая инсталляция. А вот настоящий, высокий салон — это ректифицированная форма чистого желания, страсти к обладанию.

(Столь длинное введение понадобилось мне для того, чтобы подобрать к непосредственному источнику настоящей статьи, выставке Николая Андреевича в галерее «Московская палитра», по причине моего профессионального несовершенства. Любимая и строгая коллега Екатерина Деготь все правильно говорит — нельзя ставить информационную часть в середину статьи. Но что делать, если сама по себе информация не имеет никакого смысла без интерпретации.) Вот я и проинформировал о том, что такое искусство, а что такое салон.

Теперь следует сказать о том, что «Московская палитра» — галерея, практикующая чистую и высокую салонность. Директора галереи Никита Андреевич и недавно и так рано умерший Марк Янкилевич никогда не допускали серьезных отклонений от «хорошего вкуса» ни в сторону кича, ни в сторону радикального искусства. «Московская палитра» — одна из самых старых и, возможно, одна из самых успешных по коммерческой части галерей. Список зарубежных выставок, устроенных этой галереей, включает самые экзотические места. Выспренный и изысканный язык салонного ис-

Самым неожиданным для меня образом я постоянно слышу разговоры о том, что я и мои коллеги пишем о каком-то маргинальном искусстве. А Настоящее Искусство — оно совсем другое, это не задницу показывать. Я же убежден, что в определенные моменты и таким действиям приписывается статус искусства. А вот производство искусствовоподобных объектов, несмотря на внешнее подобие технологий со старым, классическим искусством, суть производство фантомов, претендующих на реальность. И напротив, реальность искусства заполняют ничем внешне не похожие ни на Караваджо, ни на Александра Иванова объекты, инсталляции и перформансы.

куства — явление интернациональное, он найдет интересанта и потребителя в любой точке мира. Галерея неплохо работает и с местным клиентом, о чем свидетельствуют тесные отношения с крупной фирмой «Маркон», для которой составлена коллекция. Здорово, когда у людей в награду за трудолюбие, самоотверженность и усердие дела идут хорошо.

Непременным элементом салонности является специфическая салонная тусовка, привлекающая

Исторически так сложилось, что производительные машины собственно искусства (см. выше) не имеют особенных потенций к общественной легитимизации своей деятельности и поэтому числятся в маргиналах. Замечательно, что на Западе все происходит с точностью до почти наоборот — там именно радикалы-шизофреники оккупировали место салона и репрезентируют и культуру, и искусство, отеснив собственно салон на надлежащее ему место на краю, на рынке чистого потребления.

(Я все откладываю и откладываю рассказ об искусстве и художнике Николае Андреевиче, но сюжеты такого рода просто непонятны без тщательной социологической интродукции. Кроме того, еще раз готов признаться в собственной профнепригодности и малокомпетентности по части описания и анализа сих феноменов по той причине, что не могу воспринять существующие языки их описания.)

Николая Андреевича можно считать одним из выдающихся мастеров салонного жанра. Он обладает несомненной и свободной мастеровитостью, никогда не опускающейся до уровня дешевого артистизма. На уровне идеологем он весьма устойчиво и корректно реферирует стили современного искусства. Об этой тонкости свидетельствует и само название выставки — «...ящики, археология, свалки...». Все мотивы заявлены; каталогизируются то коробки из-под пива, то банки с молоком, то поп-арт, то мусор, то археология с постмодернизмом. При этом Андреевич говорит: «Я знаю, что я рисую». А что значит — рисовать? Делать из всего вышеперечисленного каталогизированного мусора Искусство? Вот как раз в этом принципиальном отказе от рефлексии и заключается тонкое и парадоксальное различие искусства и салона. Искусство вечно балансирует на грани искусства и неискусства, жизни и нежизни. А салон прямолинейно и упрямо пытается делать искусство, тщательно избегая ответа на вопрос, что же это такое.

как состоявшихся мастеров салонного жанра, так и начинающих честолюбцев. Мне передавали, правда, что эту тусовку следует считать референтной группой. Но так уж у нас сложилось, что именно носители именно салонного социолекта в современной России имеют статус «деятелей литературы и искусства», с ними разговаривает власть в лице всенародно избранного президента, когда желает получить поддержку так называемой интеллигенции и выслушать в ответ стенания по поводу упадка культуры. Примечательно, что именно эту тусовку возлюбил для своего правдивого отражения в лицах и фуришах возлюбленный журнал «Столица».

Кстати, основополагающим свойством салона всех сортов следует считать непоколебимую и прирожденную уверенность в том, что он и есть истинная культура, духовность и искусство. Социальная легитимизация феноменов происходит явочным порядком.